

Аннотация

В данной статье рассматривается социальный феномен, названный автором «криминализацией разговорной речи». В статье анализируются как общие социальные причины процесса, так и внутриличностные причины, определяющие сензитивность и отзывчивость конкретных индивидуумов (детей, взрослых) к использованию криминального жаргона.

Один из величайших людей прошедшего времени сказал в своем поэтическом произведении:

«Я ловчим соколом летел с ладони Всеблагого,
Туда, куда вело меня Божественное Слово.....»

Куда же ведет современное слово современного человека?

В настоящее время в русской языковой культуре происходит опасный процесс, который может быть назван криминализацией разговорной речи.

Это означает, что в активный словарь разговорного языка внедряется все больше и больше слов и идиоматических оборотов, пришедших из преступной субкультуры. Некоторые из этих слов и оборотов стали настолько общеупотребительными, что их происхождение забыто, а иногда забыто и первоначальное значение. Процесс криминализации языка происходит сейчас не только с взрослой речью, но также и с детской речью. А для детей это более опасно, так как у них идет процесс формирования системы ценностей и отношений с окружающим их миром.

Почему происходит криминализация языка? К этому есть несколько причин. Один из важных факторов – это «криминализация» сообщений, идущих из средств массовой

информации. Особенно – из печати и телевидения, с которым дети проводят очень много времени, зачастую больше, чем взрослые. В газетах пишут о преступлениях, о жизни преступного мира, о наркомафии, и т.п. Художественные фильмы, новости дня – о преступлениях, романы, продающиеся в магазинах, ларьках и на открытом воздухе – о том же, и даже комиксы, мультфильмы и игрушки – о преступлениях, погонях за преступниками, разнообразными злодеями, о звездных войнах, о цивилизациях из далекого космоса, нападающих на человечество, и так далее. Стремясь быть «ближе к правде жизни», а точнее говоря, стремясь в погоне за прибылью привлечь читателя и зрителя любыми средствами, авторы этих «произведений» зачастую излишне подробно воспроизводят преступную субкультуру, в том числе через средства языка (искусство подменяется натурализмом). И ребенок, проводя время за телевизором, невольно впитывает то, что идет к нему с экрана. Последние несколько лет интенсивно развивается компьютерный бизнес, в котором также активно эксплуатируется данная тематика.

Второй фактор криминализации языка – это дворовые детские субкультуры, влияние которых тем больше, чем меньше ребенок находится без присмотра, и чем меньше его связь с семьей. Переносчиками этой субкультуры являются дети из так называемых «маргинальных» семей и дворовые компании. Сначала дети слышат «выражения», о которых здесь идет речь, от своих родителей, а затем они приносят их в свой детский сад, в школу, и передают их детям из других семей. Свое место занимают в этом процессе дети, не имеющие достаточной заботы и контроля времени со стороны заботящихся о них взрослых, и поэтому попадающие в различные «компании» и набирающие лексику оттуда. А опыт общения с родителями в образовательных государственных учреждениях (школах, детских садах) показывает, что за последние десять лет объем внимания и времени, уделяемого родителями детям, уменьшился (по-видимому, в связи с экономическими проблемами и необходимостью больше работать). В школе эти дети делятся своим словарем с другими детьми.

Приведу пример из школьной практики. На перемене ко мне подошел мальчик, ученик второго класса. «А я вчера Петю (имя изменено) опустил», - радостно сообщил он мне. Тогда я заинтересовалась, что же произошло. Оказалось, что он у своего приятеля выиграл много фишек. Между тем, у меня это сообщение вызвало легкое потрясение. Глагол «опустить» в криминальном и тюремном жаргоне означает «совершить насильственный акт мужеложества», то есть оно означает акт сексуального оскорбления. Осуществляется оно в преступном мире с целью понижения социального статуса изнасилованного в рамках группировки. И это слово было произнесено устами восьмилетнего ребенка по отношению к другому ребенку.

Неизвестно, какими путями пришло это слово к ребенку из культурной, благополучной

семьи, никак не связанной с антисоциальным миром, но речь его благодаря этому слову содержала антисоциальное мироотношение и мироощущение. Один из компонентов антисоциального мироотношения – это отношение к человеку как к предмету, как к материальному объекту, лишенному индивидуального сознания. Поэтому по отношению к человеку в антисоциальных субкультурах часто используются глаголы, которые в русском языке обозначают действия человека по отношению к неодушевленным предметам. Например, такие глаголы как:

Бортануть – взять что-либо и не вернуть (первоначально – толкнуть бортом чужой корабль при пиратском налете).

Колоть – допрашивать, добиваясь правдивых показаний (колют дрова).

Клеить – приставать, знакомиться с женщиной (клеят бумагу, древесину, другие материалы).

Кинуть - ограбить, отобрать, обмануть (кидают камни, палки).

Компостировать мозги – обманывать, вводить в заблуждение (компостируют билеты).

Молотить – избивать (молотят зерно).

Состыковаться – договориться (стыкуются вагоны, космические корабли, соединяемые детали какой-либо вещи).

(Здесь и далее основная часть толкований слова приведены из книги: «Словарь воровского языка. Г. Тюмень. НИЛПО, 1991»).

Другой пример из школьной практики. Я спрашиваю ученика 2 класса (8 лет): «Как ты сам себя хвалишь, когда получаешь в школе пятерку?» «Ну, ты пахан молодец», - отвечает ребенок. Слово «пахан», использованное ребенком во внутренней речи к себе, означает «старый вор, хорошо знающий обычаи и пользующийся у воров авторитетом, в ряде случаев разрешающий конфликты, содержатель воровского притона, притона азартных игр; главарь преступной группировки...» [5].

Психологическая причина криминализации детской речи – это стремление ребенка быть «сильным» и «взрослым» и невладение другими, более адекватными средствами для достижения этой цели. Частенько это бывает с мальчиками, которым не хватает мужского воспитания (из-за отсутствия отца в семье, или же из-за сильного дефицита времени у папы, который фактически сыном не занимается). Для таких мальчиков характерно выбирать для построения своей мужской модели поведения сверстника или более старшего мальчика с негативной демонстрирующей силу моделью поведения. Одна из важных функций «криминального» языка – это демонстрация силы, превосходства над другим человеком. (Что в свою очередь является неадекватным средством преодоления комплекса неполноценности). Есть еще социальная причина изменения нашего лексикона, связанная с особенностями нашей государственности. В том государстве, где законная власть не имеет фактической силы реализации законности (достаточно сильной исполнительной власти), там начинает процветать и брать власть физическая сила. Этот процесс протекает в равной степени одинаково как на уровне малых групп (например, школьного класса), так и в рамках всего государства в целом. Поскольку законная власть слаба, каждый индивидуум начинает понимать, что для удовлетворения его потребностей необходимо пользоваться силой, расталкивать других локтями, так как нет механизма, устанавливающего «очередность», или порядок. Одним из символов владения этой силой является использование лексикона той социальной группы, которая этой силой владеет, которая именно при помощи силы решает возникающие проблемы.

Почему же является настолько важным, какие именно слова мы употребляем в своей речи? Почему так важно голову называть головой, но не башкой, кочаном или тыквой (котелком, кочаном, арбузом)? Словарь и слова отражают систему ценностей, отражают отношение человека к тем предметам и явлениям, о которых идет речь. Поэтому и взрослый человек, и ребенок, употребляя в речи определенные слова, сначала впитывает, а затем и реализует ту систему ценностей, которую они (эти слова) несут. А та система ценностей, которую несет язык преступного мира, ведет к цинизму, к потере идеалов и ценностей, выработанных впереди стоящей частью человечества, ведет к потребительскому и манипулятивному отношению к другому человеку.

Язык отражает структуру ценностей того или иного народа, той или иной субкультуры,

которую он “обслуживает”. Полного тождества понятий в языках различных народов нет. Например, у гренландцев имеется более 20-и понятий, отражающих состояние снега. В русском языке такого количества этих понятий нет. Это связано с тем, что для гренландцев, для выживания в их географическом ареале состояние снега имеет огромное значение. Мы живем в другой географической зоне и в других бытовых условиях, созданных цивилизацией, для нас состояние снега не имеет такого значения.

В языке преступного, воровского мира наличествует не менее 17, а возможно и более слов, обозначающих принятие спиртных напитков (кирять, бухать, и так далее). И примерно такое же количество выражений, обозначающих употребление наркотиков. Некоторые из этих слов перешли в наш повседневный словарь. Например, слово “кайфовать”, первоначально означавшее “принимать наркотики, наслаждаться опьянением” [5] теперь используется в самом общем смысле “получать удовольствие от чего-либо”. Аналогичный процесс произошел со словом “прикол” (слово «прикол» происходит от слова «укол», так как укол иглой шприца необходим для введения наркотика).

Вместе с этими словами из воровского и преступного лексикона в сознание человека, взрослого или ребенка, внедряется и скрытая за ними система ценностей, а именно – физическое удовольствие, наслаждение как главная ценность бытия.

Набор содержащихся в языке понятий отражает особенности мироотношения, характерного для той среды, в которой он используется.

Например, обозначение женщины словом «телка» пришло в язык из преступной среды, и оно уже стало обычным для анекдотов, которые печатаются в газетах и журналах, оно стало привычным в устах молодых людей.

Это слово отражает отношение к женщине как к объекту, используемому для получения удовольствия, глупому и беззащитному, как корова, и в котором воспринимаются лишь физические качества, присущие животному.

Две наиболее представленные и наиболее сильные темы в жаргоне криминального мира – это тема удовольствия и тема превосходства одного индивидуума над другим.

Оборотная сторона последней темы – это тема унижения другого человека, так как единственным средством превзойти другого является унижение, попрание человеческого достоинства (чужого, разумеется).

По отношению к мальчикам, подросткам, часто используются слова, пришедшие из той же сферы, и их явная или скрытая цель – принизить другого, унижить его достоинство как человека. Это слова, многие из которых Вам известны: шкет, сявка, шибзик, жук, кадр, кореш, шушера, малолеток, молоток, мужик, пацан, хмырь, субчик, фрукт, фуффло, чайник. По отношению к девочкам используются слова оторва, шмакодявка, промокашка. Первоначальное значение многих из этих слов забыто.

Вот значение некоторых:

Субчик – сводник, сутенер. (В разговорной речи можно услышать: «Ну ты и субчик» - как упрек в чем либо). Шкет – вор-подросток, маленький. Сявка – вор-подросток, голодранец, проститутка. Шибзик – маленький. Жук - игрок на бильярде, преступник, пройдоха. (Часто мы говорим о другом: «он еще тот жук», понимая по этим хитрого человека, себе на уме, обманщика, преследующего свои скрытые интересы). Кадр-парень. Кореш - участник (преступного дела). (Сейчас этим словом часто называют приятеля.) Шушера – вор, совершающий мелкие кражи, болтун и др. (В простой речи теперь этим словом обозначают ничего не значащих людей, подобно тому, как и в преступном мире на низкой ступеньке социальной лестницы находится человек, совершающий мелкие кражи). Малолеток – несовершеннолетний преступник, совершающий преступления вместе с взрослыми. Молоток – положительный, молодец.

Также в языке преступного мира присутствует большое число слов, обозначающих части человеческого тела. Это связано с тем, что в криминальном мире метод физического воздействия на другого человека является основным методом решения проблемы. Вот некоторые из сих слов, уже давно перешедшие в молодежный лексикон:

Рот – варежка, фонтан, сопло («Заткни свой фонтан», «Закрой сопло»- можно услышать вместо «Замолчи»).

Голова – чан, бестолковка, сообразилка, тыква, котелок, чердак, арбуз, и много

других.

Нос – клюв, паяльник. Шея – Холка. Пальцы – грабли («Убери свои грабли», - вместо «Не трогай»).

Каждая часть тела имеет в преступном мире много названий, но не все они ассимилировались бытовым языком. Однако все они выполняют задачу принижения человека в целом. Также их функция – профанация основного значения той или иной части тела. Например – голова выполняет функцию мышления, а значит принятия решения человеком о своей жизни. Называя голову чаном, котелком, арбузом или чердаком (куда люди обычно складывают хлам, и где никто не живет), мы автоматически принижаем способность человека мыслить и принимать ответственные и адекватные решения о своей жизни.

Последствия приписывания человеку, особенно ребенку, названий, принижающих его или не соответствующих его действительным качествам, описаны и детально рассмотрены в таком направлении психологической науки, как транзактный анализ. Эти приписываемые качества названы в транзактном анализе «атрибутами» [7]. Ребенок усваивает приписываемые ему «атрибуты», формирует представление о себе самом, и далее соответственно этому представлению формирует Сценарий, или неосознаваемый План Жизни, в котором он действует в соответствии с приписанными ему «атрибутами». Именно по этой причине важно создавать вокруг детей среду, в которой мальчики не называют своего сверстника «козлом», а девочку – каким-либо другим неподходящим словом. И не менее важно, чтобы «атрибуты» не приписывались ребенку в семье и в детском учреждении значимыми взрослыми. Даже те «атрибуты», которые вроде бы с точки зрения родителей и учителей соответствуют качествам ребенка, например, такие часто употребляемые, как «лентяй» или «драчун», приносят огромный вред, так как формируют у ребенка образ самого себя, за который ему потом трудно выйти. И, так как эти «атрибуты» являются одновременно негативными актами признания («поглаживаниями», как принято называть в транзактном анализе), то есть формами, в которых ребенок привыкает получать знаки внимания, то впоследствии он начинает своим поведением неосознанно провоцировать окружающих на то, чтобы они давали им знаки внимания именно в этой форме.

Наряду с тем, что бытовая речь в настоящее время изобильно насыщена «атрибутами», которыми взрослые характеризуют детей, дети - друзей и одноклассников, родителей («мои предки»), наряду с этими разнообразными способами обесценивания важности человека, человеческих отношений, человеческих чувств, качества человеческой жизни, есть и еще одна особенность молодого современного поколения: чрезвычайно обедненный словарь слов, используемых для описания внутренней жизни человека и его личностных качеств. Таким образом, обнаруживается, что нет того, что можно было бы противопоставить, что можно было бы использовать в речи и в мышлении вместо понятий, предлагаемых преступной субкультурой. Зачастую ученик первого класса, когда его спрашивают, какая его мама, затрудняется что-либо сказать, кроме того, что она «хорошая». А «свято место», как говорят, «пусто не бывает». Вот и заполняется оно всякой «чертовщиной».

Система ценностей и структура взаимоотношений в группировках преступного мира доступно, популярно и вместе с тем высокопрофессионально описана психотерапевтом Добровичем А.Д. в его книгах «Воспитателю о психологии и психогигиене общения» и «Общение: наука и искусство» в разделе, посвященном так называемому «примитивному уровню общения» [2,3]. В ряде случаев эта структура и эта система ценностей повторяется в подростковых группировках.

Имеет смысл ознакомиться с этой системой ценностей и структурой взаимоотношений по книге, с тем, чтобы иметь возможность осознанно противостоять ей, предлагая иной иерархически более высокий стиль взаимоотношений.

Возможные направления решения проблемы для родителей состоят в следующем:

1. Прежде всего самовоспитание и контроль за собственной речью в общении с детьми и с другими людьми в присутствии детей.
2. Контроль просматриваемых ребенком телепередач, с их содержательной стороны.
3. Реагирование на речь ребенка, на употребляемые им слова, объяснение их смысла и назначения, нравственной позиции.
4. Помощь ребенку в формировании его круга общения (вместо запрета на те отношения, которые не нравятся родителям) – начиная с дошкольного возраста.
5. Участие отца в воспитании мальчиков.
6. Помощь мальчикам в освоении занятий, связанных в нашей культуре с образом мужественности; в частности - мужских видов спорта: футбола, борьбы, регби, шахмат и т.п., а также мужских видов мастерства: моделирования, строительства,

рыболовства, охоты, работы с техникой, и других.

7. Расширение кругозора и повышения культурного уровня семьи и ребенка.

8. Расширение активного и пассивного словаря ребенка через чтение литературы.

9. Беседы родителей с ребенком о внутреннем мире человека, о своих собственных переживаниях, отношениях, с тем, чтобы у детей формировался набор понятий для описания переживаний, для понимания других людей, их особенностей.

10. Участие ребенка в коммуникативных тренингах под руководством психолога или психотерапевта.

11. Участие родителей или одного из родителей в коммуникативных тренингах под руководством психолога или психотерапевта

Однако данная проблема является не только личной проблемой родителей, но и общественной, социальной проблемой, требующей общественного решения. Эта проблема была в определенной степени спровоцирована неправильным пониманием «свободы слова». «Свобода слова» была истолкована как «свобода говорить все, что угодно». Но свобода слова это не свобода оскорблять, а **свобода выражать свое мнение, взгляды и позиции в достойной, уважительной по отношению к человеку и к обществу форме**

Исследования, наблюдения, сделанные транзактными аналитиками за последнее время, говорят о том, что «сценарное программирование» осуществляется не только родителями ребенка, но и его более широким окружением. Так, транзактные аналитики Джеймс Р. Аллен и Барбара А. Аллен (James R. Allen, M.D. was Associate Professor of *Psychiatry and Behavioral Sciences, University of Oklahoma Health Center.*

Barbara A. Allen

, M.S.W., M.P.H. was Instructor, *Psychiatry and Behavioral Sciences, University of Oklahoma Health Center*)

пишут об этом в своей статье «Сценарий. Роль Разрешения»: «Из наблюдения младенцев и более старших детей в обстановке раннего питомника и детской психиатрии, авторы были поражены двумя факторами, которые не были еще достаточно подчеркнуты в литературе по транзактному анализу. Прежде всего, ребенок не обязательно приобретает разрешения и приказания от воспитывающих его значимых фигур. Некоторые дети активно ищут альтернативы программирования от дежурных детского сада, родителей других детей, или даже от фантазируемого родителя (от родителя, которого они создают в своей фантазии)» [12]. Другие транзактные аналитики, предлагают для описания сценарного программирования со стороны социума модель «Культурального Сценария» и «Культурального Родителя» [13, 14, 15, 16]. Таким образом, рядом исследователей в области психологии признается факт, что на формирование Сценария оказывает влияние не только семья ребенка, но и его более широкое окружение. И частью этого и окружения, и средства программирования

является язык, используемый обществом для коммуникации с ребенком.

К сожалению, социальный аспект проблемы состоит в том, в погоне за прибылью средства массовой информации, газеты, кино, телевидение, реклама, стремятся привлечь внимание людей к своим сообщениям любой ценой, любыми средствами – в том числе и используя разрушительный жаргон. Я думаю, что профессиональные сообщества психологов должны устанавливать этические принципы для работы не только с индивидуальными клиентами, но и для тех случаев, когда психологи работают со средствами массовой информации и рекламой.

Литература.

1. Бок Ф.К. Структура общества и структура языка. В сб. «Новое в лингвистике» выпуск УП, Социоллингвистика. Под общей редакцией Н.С. Чемоданова. М, 1975.
2. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М, 1987
3. Добрович А.Д. Общение: наука и искусство. М, 1996
4. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М, 1977.
- 5 Словарь воровского языка. Тюмень, 1991
6. Столярова Ирина. Забудьте «Блатную музыку», если хотите, чтобы вас понимали окружающие. Журнал «Класс» № 4 за 2001 год, стр. 24-25.

7. Стюарт Ян, Вэнн Джойнс. Современный транзактный анализ: перевод с английского, СПб, 1996.

8. Шварц Евгений Дракон. Студенческий театр. Библиотечка «В помощь художественной самодеятельности» № 24 М, 1998.

9. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. В сб. «Новое в лингвистике» выпуск УП, Социолингвистика. Под общей редакцией Н.С. Чемоданова. М, 1975.

10. Шкапенко Т., Хюбнер Ф. Русский тусовочный как иностранный, Калининград, 2003.

11. Ирано-таджикская поэзия: перевод с фарси. М, 1974.

12. James R.Allen.Barbara A. Allen. Scripts: The Role of Permissions.Transactionnal Analysis Journal, vol. 2, no. 2, April 1972, pp. 72-74.)

13. White, Jerome D.; White, Terri. Cultural Scripting, Transactional Analysis Journal, 1975-1 pp.12-23

14. Roberts, Denton L.Treatment of Cultural Scripts, Transactional Analysis Journal, 1975-1 pp.29-35

15. James Muriel. Cultural Scripts Historical Events: vs. Historical Interpretation Transactional Analysis Journal. 1983-3. pp. 217-223

16. Batts, Valerie Alayne Knowing and Changing The Cultural Script, Transactional Analysis

Journal 1983-3 pp.255-257

Литература, рекомендуемая для родителей и педагогов:

1. «Азбука волшебных слов» в кн. Латохина Л.И. Хатха-йога для детей. М, 1993. стр.26-27.
2. «Азбука волшебных слов» и другие разделы в книге: Латохина Л.И. Творим здоровье души и тела. СПб 1997.стр. 413-420
3. Добрович А.Б. «Воспитателю о психологии и психогигиене общения» М, 1987
4. Добрович А.Д. Общение: наука и искусство. М, 1996
5. Стюарт Ян, Вэнн Джойнс. Современный транзактный анализ. Перевод с английского, СПб, 1996.

Об авторе:

*Соковнина М.С. Педагог-психолог Научно-методического центра Кировского РОО, (Санкт-Петербург),
Действительный член Европейской ассоциации транзактного анализа,
председатель этической комиссии Санкт-Петербургского объединения транзактного анализа.*

Опубликовано в:

Профессиональная психотерапевтическая газета № 6 (22) июнь 2004.

Официальный орган профессиональной психотерапевтической лиги.